

ГЕРДЕРОВСКИЙ БИБЛЕЙСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ. ПРАКТИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ

Виллибальд Лаук
Комментарий на Евангелие от Матфея¹

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ (5:1 – 7:29)

ВВЕДЕНИЕ (5:1–2)

1 Увидев народ, Он взошёл на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его. 2 И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря:

Описав в 4-й главе (стихи 23–25) служение Иисуса в Галилее в общих чертах, евангелист Матфей переходит к отдельным сторонам этого служения. И начинает он с учительной деятельности Иисуса.

(1) Выражение «увидев народ, Он взошёл на гору» дано очень обобщённо, без указания того, когда именно прозвучала Нагорная проповедь. Из её содержания видно, что это была не проповедь покаяния для начинающих, а наставление, обращённое к уже более подготовленным слушателям, в первую очередь к ученикам. Поэтому Нагорную проповедь, скорее всего, следует относить не к началу галилейской деятельности Иисуса, а к более позднему времени, когда вокруг Него уже сложился значительный круг последователей. Ещё яснее это следует из самого замечания «увидев народ», то есть множество людей: оно указывает как раз на время самого расцвета Его служения, о котором говорилось в 4:25. Из Лк. 6:12–20 мы узнаём подробности. Господь ещё накануне взошёл на гору, чтобы побыть одному, и провёл всю ночь в молитве. Утром Он призвал к Себе учеников (которые, надо полагать, находились неподалёку) и избрал из них двенадцать апостолов. Затем Он немного спустился на «ровное место» – здесь нужно понимать это не как равнину, а как ровное место на склоне горы, где собрались люди. Там Он и произнёс Нагорную проповедь.

¹ Перевод: игумен Петр (Мещеринов). Редакторы: Елизавета Жудро, Ольга Ануфриева.

Как видно из сказанного, эта проповедь не относится к собственно народным проповедям Иисуса – из тех, какие Он произносил в синагогах (ст. 23), а нередко и под открытым небом, часто говоря притчами (ср. Мк. 4:11); она рассчитана скорее на уже подготовленного слушателя. Тем не менее она как нельзя лучше раскрывает суть Его учения и тому, кто только начинает Его слушать, и уже ставшему Его учеником. Именно здесь Иисус ясно высказывает, какова Его воля по отношению к человеку. Кроме того, раскрытие Его отношения к Закону (5:17 и далее) служит лучшим ответом на подозрения фарисеев, будто Он враг Закона.

То, что Господь действительно произнёс Нагорную проповедь – и именно эту Нагорную проповедь, – а также то, что она не представляет собой компиляцию, составленную евангелистом из разных речей Иисуса, сказанных при других обстоятельствах, следует, во-первых, из того, что у Луки эта проповедь передана без существенных отличий, а во-вторых, из ясного хода и строгой последовательности мысли, свойственных самой проповеди, как её излагает Матфей. Более краткий вид этой речи у Луки и отсутствие в ней столь ясно прослеживаемой единой линии позволяют заключить: Лука сократил проповедь. Он выделил то, что было обращено ко всем слушателям, и опустил, что было менее понятно христианам из язычников, для которых он писал (например, отношение Иисуса к Моисееву Закону и обличение лицемерия фарисеев). Не исключено, впрочем, что некоторый материал мог быть вставлен Матфеем из другого контекста, например наставление о молитве «Отче наш». Вместе с тем Спаситель, как всякий учитель, часто обращавшийся к народу, несомненно, не раз повторял мысли, которые в более развёрнутом виде вошли в Нагорную проповедь, – теми же или похожими словами.

Определённый артикль в выражении *εἰς τὸ ὄρος* – «на гору» – не должен создавать у нас впечатления, будто речь идёт о какой-то конкретной горе. Вероятно, он употреблён у Матфея и Луки так же, как по-немецки мы говорим: *in den Wald* – «в лес» или *auf das Feld* – «в поле». **(2)** Торжественное вступление «Он отверз уста Свои», по-видимому, призвано подчеркнуть особое значение этой пространной речи.

ВОСЕМЬ БЛАЖЕНСТВ (5:3–10)

3 Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

4 Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

5 Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

6 Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

7 Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

8 Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

9 Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

10 Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

Восемь блаженств обращены не к разным группам людей. Как всякий народный проповедник, а тем более восточный, Господь любит повторять ключевые мысли – иногда даже одну мысль – в варьирующихся выражениях. Так и здесь все восемь изречений говорят об одних и тех же людях, а именно **(3)** о «нищих духом», причём каждое блаженство раскрывает одну из сторон их отношений к Богу и к людям. «Нищие духом» – это, конечно, не те, кто «нищенствует» в смысле недостатка ума или духовной силы. Но это и не просто те, которые, согласно распространённому толкованию, внутренне, в духе, освободились от привязанности к земным благам, как материальным, так и социальным, – не прилепляются к тому, чем обладают, и не стремятся к тому, чего у них нет. Еврейское слово, переведённое на греческий как «нищие духом», указывает на людей смиренного и сокрушенного устройства, тех, кто внутренне сознаёт свою нищету перед Богом, – то есть свою неавтономность и полную зависимость от Него. Это не самодостаточная внутренняя свобода от земного, а понимание того, что они всем обязаны Богу и во всём нуждаются в Нём. При этом несущественно, богаты ли они и почитаемы внешне или, напротив, бедны и пренебрегаемы: перед Ним они чувствуют себя «нищими» – «просящими милостыню», как буквально можно понять греческое слово. Они знают, что сами, в своём сердце, в своей душе, не имеют ничего, с чем могли бы предстать перед Богом. Поэтому они смиренно склоняются перед Ним, ощущая свою всецелую недостаточность и нужду.

«Им принадлежит Царство Небесное». Для нас, христиан, эти слова имеют простой и ясный смысл. Но в устах Иисуса они не были столь просты и очевидны. Это выражение было общеупотребимым в Его время, и Он использовал его, держась в Своих речах иудейской устной традиции – в силу того, что Сам Он стал Человеком в определённую эпоху и в определённом народе. А в языке этого народа словосочетание «Царство Небесное» означало нечто совсем иное, чем то, о чём обычно думаем мы. Означало оно владычество Бога над всей землёй, над всем миром, которое будет окончательно установлено в конце времён через всеобщий Суд. Это владычество хотя и принадлежит Богу по самой природе и существовало в раю, но вследствие греха оно как бы удалилось на небо – или, точнее, на земле сохранилось только как владычество Бога над избранным народом, Израилем; остальной мир подпал под власть диавола. Но в конце времён Бог придёт на Суд и низведёт Своё

владычество с неба на землю. Поэтому оно и называется «Царством Небесным»: оно сходит с неба. Отсюда проповедь покаяния Иоанна и его указание на близкий Суд (см. выше, комментарий к 3:1 и далее). Таким образом, это словосочетание имеет эсхатологическое значение, то есть относится к концу этого мира. Такое значение Спаситель прежде всего и имеет в виду. С другой стороны, Он часто употребляет это выражение так, что из Его слов следует: Царство Небесное уже здесь (ср. Мф. 11:11–12; 12:28; Лк. 17:20 и далее; притчи в Мф. 13, Мк. 4 и др.). Это уже присутствующее Небесное Царство получает и земное измерение: оно оформляется как некая видимая структура с определённым устройством и иерархией (Мф. 16:13 и далее; 18:17–18). К этому Царству принадлежат не только добрые, но и злые – правда, в конце они будут отсечены от него: об этом говорят притчи о поле с плевелами и о неводе. Вместе с тем Царство Небесное есть и нечто внутреннее, то, что обретается в душе человека (Лк. 17:20–21). Эта многозначность объясняется тем, что Иисус, хотя первоначально и использовал выражение, привычное Его современникам, и именно в том значении, какое оно имело у них, – впоследствии наполнил его новым содержанием, Своими собственными мыслями, и тем самым раскрыл заключённый в нём многогранный смысл.

Итак, владычество Божие достигнет своей полноты после последнего Суда, *когда Христос предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу* (1 Кор. 15:24). Конечно, это следует понимать уже не совсем так, как представляли себе люди того времени. Совершенная праведность граждан этого Царства – не просто требование Божие, которое человек может исполнить собственными силами, как об этом думали многие современники Иисуса. Эта праведность сама есть дар Божий, дар Его благодати, который Бог даёт даром всякому, кто открыт к его принятию. Но начинается это Царство уже теперь, с первым пришествием Христа. Это есть Церковь – по апостолу Павлу, Его мистическое Тело, через которое всякая благодать от Главы, то есть от Христа, притекает к отдельным членам (ср. Еф. 1:22–23; 4:15–16; Кол. 1:18). Об этом же говорит притча о виноградной лозе и ветвях (Ин. 15:1–8). Церковь, как видимая структура, имеет свою иерархию; в её руки Христос передаёт Свои полномочия, и её задача – распространять Царство Божие на земле, чтобы тем самым подготовить окончательное наступление Небесного Царства.

Бывает, что человек принадлежит к видимой Церкви только внешне, не имея в себе главного – спасающей благодати, то есть той внутренней жизненной связи со Христом, благодаря которой в нас начинает действовать праведность Царства

Небесного. И наоборот: человек может не по своей вине находиться вне этой внешней структуры и всё же быть приобщённым Царству, потому что он живо связан со Христом. Первый, как различает позднейшее богословие, принадлежит только к телу Церкви, второй – к её душе. Но по своему богоданному назначению человек должен принадлежать и к тому, и к другому.

С этой праведностью Царства Небесного, даруемой Богом и сущностно присутствующей в каждом подлинном гражданине Царства через благодатный союз со Христом, сосуществует в земной жизни ещё множество человеческих недостатков. Но когда владычество Божие настанет во всей своей полноте – после воскресения мёртвых и Страшного суда, – тогда и праведность, совершенная во всех, воссияет полным блаженством и славой в вѣдении Бога.

Таким образом, исходное понимание Небесного Царства как окончательного торжества владычества Божия над всем миром раскрывается в Нагорной проповеди шире, чем в иудейском религиозном сознании, – но всё же ещё остаётся в рамках прежних эсхатологических представлений. Поэтому мы пока не находим здесь того смысла слова «небо», о котором прежде всего думаем, читая восемь блаженств: небо как блаженное пребывание праведных с Богом после смерти, как участие души в славе Царства Божия ещё прежде всеобщего воскресения. И тем не менее мы вправе иметь этот смысл в виду. Учение Иисуса само подводит к нему. Поскольку со смертью и последующим личным судом вечная участь каждого уже запечатлевается (Лк. 16:19 и далее – рассказ о богаче и бедном Лазаре), из этого следует, что праведник, очищенный после смерти от последних следов человеческого несовершенства, уже прежде воскресения тела душой участвует на небе в славе Царства Божия. Конечно, и эта слава ещё не вполне совершенна. Она станет такой только тогда, когда уже прославленная душа, соединившись с прославленным телом, примет полноту своего наследия – участие в окончательном Царстве. Впрочем, как бы ни было оправдано наше обычное понимание этих слов в свете всего учения Иисуса, для полного понимания Нагорной проповеди мы всё же должны ясно представлять, как Его слова воспринимали непосредственные слушатели.

(4) Нищие духом – то есть те, кто глубоко сознаёт свою недостаточность в праведности перед Богом, – видят и себя, и весь мир исполненными неправды и греха, а потому столь далёкими от Царства Божия, составляющего предмет всех их чаяний и упования. Именно это и делает их скорбящими, «плачущими», как буквально говорит греческий текст. Они не в силах радоваться этому миру, падшестъ и испорченность которого могут лишь глубоко оплакивать, тем более что эта испорченность проникает и

в их собственное сердце. Но «они утешатся». В Царстве Божиим – царстве святости – уже не останется неправды, о которой нужно было бы скорбеть. Поскольку же они, нищие духом, не относятся к числу тех, кто умеет обеспечивать себе место на земле ложью и насилием, именно им чаще всего и приходится страдать от царящего в мире зла. Они принадлежат к тем, кого отодвигают в сторону, оттесняют, оставляют в тени, угнетают и попирают, для кого как будто не находится места на этой большой и богатой земле, чтобы они могли раскрыть все свои силы и вкусить жизнь в полной мере.

(5) Но именно они – «кроткие»: они не ропщут и не поднимают мятежа, а с терпением несут свой земной жребий, потому что их взор устремлён к высшему отечеству. И всё же именно они «наследуют землю». Под этой землёй в словах, заимствованных из Пс. 36:11, первоначально понималась земля обетованная, то есть Святая Земля, Палестина, в той славе, какую Бог дарует ей во дни Мессии или после всеобщего Суда. Именно так должны были понимать эти слова иудейские слушатели Иисуса. Однако в учении Иисуса это выражение развивается и одухотворяется так же, как и «Царство Небесное», так что мы вправе видеть здесь и указание на небо. Там будет достаточно места для полноты жизни всех тех, кто здесь, на земле, подавленный бедностью, непониманием, несправедливостью и неблагоприятностью судьбы, не смог вполне раскрыть заложенные в нём силы и возможности.

Верно и другое, что также заключено в этих словах: Евангелие, которое несут и воплощают в жизнь именно такие кроткие люди, несмотря на все гонения, тем не менее завоёвывает и саму землю. Так, например, Римская империя со всем своим могуществом давно исчезла, а Церковь мучеников распространилась по земле далеко за пределы Римского мира.

Не трусость и не безразличная покорность судьбе заставляют этих «кротких» так молчаливо терпеть. Земные блага потеряли для них свою привлекательность, потому что их жажда устремлена совсем к другому. **(6)** Они «алчут и жаждут правды». Голод и жажда – естественные потребности. Когда они усиливаются, они отодвигают на второй план всё остальное. Человеку прежде всего нужны пища и вода, чтобы жить. Так и нищие перед Богом в своём сердце ощущают, как необходима их душе правда Божия, чтобы жить. И поскольку этой правды они не имеют в самих себе и не могут приобрести своими силами, они «алчут и жаждут» её. В Царстве Божиим, когда оно придёт в полноте, они ею совершенно «насытятся». И то угнетение, которое они терпят на земле, не делает их ни озлобленными, ни бесчувственными. Напротив: **(7)** они – «милостивые», охотно помогающие другим всюду, где нужна помощь. Это выражение

означает не только подаяние милостыни, но всякую помощь ближнему в душевной или духовной нужде.

(8) Шестое блаженство – «чистые сердцем» – само по себе можно было бы воспринять в обычном для нас смысле: как достигнутую самим человеком чистоту от греха («чистота» здесь, конечно, не ограничивается только областью половой нравственности). Но в общий ход мысли Нагорной проповеди такое понимание всё же не укладывается, более того – прямо ему противоречит. Дело в том, что нищие духом именно потому и сознают свою глубокую внутреннюю недостаточность и исполнены алчбы и жажды праведности Божией, что этой праведности и чистоты они не имеют и не могут приобрести собственными силами. Поэтому, согласно библейскому словоупотреблению, это выражение нужно понимать иначе: имеются в виду люди прямого, искреннего, честного сердца, у которых нет скрытых мыслей, лицемерия и эгоистических побочных побуждений, но которые прямо и без лукавства хотят и делают добро. И они некогда смогут узреть лицо Божие прямо, а не *как бы сквозь тусклое стекло, гадательно* (1 Кор. 13:12). В таком понимании это блаженство хорошо встаёт между пятым и седьмым.

(9) Нищие духом – «миротворцы», или, точнее, «учредители мира», которые с тем же чистым намерением, с каким стараются по возможности облегчать всякую нужду ближних, всегда подвизаются и ради мира. Здесь это слово нужно понимать не только в узком смысле, как стремление всюду, где возможно, устранять вражду и утверждать мир, – но во всей полноте еврейского понятия *шалом*, которое включает в себя всякое благополучие и счастье. Они стараются, насколько это в их силах, не только облегчить страдания людей, но и по возможности принести им счастье и радость. В этом они больше всего уподобляются Сыну Божию, мессианская задача Которого как раз и состоит в том, чтобы даровать людям тот всеобъемлющий, глубокий мир, которого мир сей не имеет (Ин. 14:27). Поэтому они и «нарекуются», то есть будут, «сынами Божиими».

Конечно, они уже *и теперь*, на земле, *дети Божии* (1 Ин. 3:2). Поэтому здесь имеется в виду нечто большее, а именно: в наступившем Царстве Божием, после воскресения, их богосыновство обретёт полное раскрытие и воспримет совершенное действие славы Божией, преображающее душу и тело. Там станут они *равными Ангелам и всецелыми сынами и дочерьми Божиими, будучи сынами воскресения* (Лк. 20:36). **(10)** Но ныне, в мире сем, их, этих нищих духом, алчущих и жаждущих правды, преследуют и гонят, и именно за ту правду, к которой они стремятся. Нет противоречия в том, что Иисус, сказав о «жажде правды», теперь усваивает им

действительную, уже наличествующую праведность перед Богом: «блаженны изгнанные за правду». Именно благодаря своей смиренной жажде они уже так или иначе приобщены правде Божией и творят её, хотя она ещё далеко не достигла в них полноты. «Их есть Царство Небесное». Этим обетованием, совпадающим с первым, завершаются восемь блаженств. Повторение первого обетования в конце соединяет восемь блаженств в единое целое.

Итак, Господь именует блаженными не «праведников» с человеческой точки зрения, а тех, кто нуждается в благодати. Блаженны те, которые в самой глубине души увидели свою полную недостаточность в праведности перед Богом и совершенную неспособность приобрести её собственными силами. Блаженны те, которые, исполненные жажды этого единственного блага, поистине достойного алкания и жаждания, не могут чувствовать себя спокойно в этом мире зла. Блаженны те, которые, будучи далеки от участия в греховной, беспощадной погоне сынов века сего за земным счастьем, терпеливо переносят неправду, притеснения и гонения и в этих условиях тем усерднее стараются всюду приносить помощь и радость. Они блаженны потому, что через своё устройство и образ жизни восприимчивы к Евангелию, тогда как в людях мира сего оно не встречает ни отклика, ни интереса. Поэтому Евангелие и может действовать в них и возрастать, как семя возрастает в плодородной почве. Его первое действие – именно та горячая жажда правды Божией и праведности перед Ним, то есть жизни, соответствующей Богу, о которой они смиренно молят. В этом мире, пока их душа ещё заключена в *теле греха* (Рим. 6:6), эта праведность никогда не будет совершенной. Но в новом Царстве, когда Бог явит всю полноту Своего владычества, они всецело насытятся святостью и, как совершенные дети Божии, став подобными Ангелам (Лк. 20:36), будут *видеть Бога лицом к лицу* (1 Кор. 13:12) в блаженстве, не нуждающемся уже ни в чём большем.

При поверхностном чтении форма блаженств, переданная Лукой вместе с противоположными им провозглашениями горестной участи (Лк. 6:20–26), может создать впечатление, будто первоначально Иисус произнёс речь для самого простого народа, определяемую только социальными мотивами, даже прямо революционную по своему характеру. Будто в ней Он обещал социально бедным и угнетённым людям блага нового Царства в предстоящем великом перевороте, где те, кто теперь наслаждается жизнью, должны будут поменяться с ними местами. И будто только Матфей превратил эту политическую народную речь Господа в религиозную, одухотворил и углубил её. Но такое впечатление совершенно ошибочно. И у Луки блаженства прежде всего обращены к ученикам Иисуса и только что избранным

апостолам. А они не были нищими в социальном смысле. Иаков и Иоанн Зеведеевы, например, имели собственное рыболовецкое судно и, хотя вместе с отцом в семье их было уже трое трудоспособных мужчин, нанимали ещё и работников (Мк. 1:20). Значит, их достаток был совсем не мал. Матфей мытарь был также далеко не беден, как и другие мытари; иначе он не мог бы устроить большое угощение, на которое было приглашено множество людей (Лк. 5:29). И среди женщин, следовавших за Иисусом, некоторые также имели значительные средства (Лк. 8:3 и др.). Следовательно, и речь у Луки можно понимать только в том же смысле, что и у Матфея. Матфей не привнёс в слова Господа некое своё духовно-религиозное понимание, но, как и всю Нагорную проповедь вообще, так и восемь блаженств в частности, передал яснее и последовательнее, чем Лука.

ОБРАЩЕНИЕ К УЧЕНИКАМ: ИХ СЛУЖЕНИЕ (5:11–16)

11 Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. 12 Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас. 13 Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее солёною? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить её вон на попрание людям. 14 Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. 15 И, зажегши свечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. 16 Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного.

(11) Речь о восьми блаженствах, сказанная всему множеству народа, раскрывала волю Господа Иисуса – каким Он хочет видеть человека, следующего за Ним. Теперь Он обращается непосредственно к Своим ученикам. Очень скоро им предстоит испытать гонения – и именно ради Него. Поэтому последнее блаженство приобретает для них особое значение: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня». Слова «за Меня» соотносятся со словами «за правду» из предыдущего стиха – благодаря своей принадлежности Христу и единению с Ним ученики стали причастны правде Божией, за которую они подвергнутся гонениям. **(12)** Поэтому они должны радоваться, даже ликовать, – не вопреки скорбям и преследованиям, а именно из-за них. Ибо за земными гонениями их ожидает на небесах то, что Сам Господь называет «великой наградой». Эти прямые слова Господа

лежат в основе церковного учения о награде, поэтому Католической Церкви незачем краснеть за него перед иноверными².

Уметь радоваться из-за переносимого страдания – нечто вышеестественное и специфически христианское. Естественный человек может, несмотря на страдание, сохранять терпение и покой и продолжать исполнять свой долг. Более того, страдание может пробудить в нём дремлющие нравственные силы, которые иначе, может быть, никогда не выявились бы. Но само по себе страдание для него остаётся чем-то отрицательным, воспринимается как нечто разрушительное. Иначе происходит в вышеестественной сфере. Там страдание ради Христа – высокое положительное явление, порождающее для христианина великое благо, потому что в нём совершается бескорыстное соединение его воли с волей Божией. Пока я тружусь, исполняя свой долг, даже если это происходит с полной самоотдачей во славу Божию и в служении Ему, я так или иначе осуществляю своё природное стремление к деятельности, реализация которого уже сама по себе даёт естественное удовлетворение. Но естественного стремления к страданию у нормального человека нет. Здесь – чистое принятие воли Божией. Поэтому такому страданию ради Христа принадлежит высшая награда. Конечно, слова Господа прежде всего относятся к тем скорбям, прямая причина которых – наша принадлежность к Нему. Но по сути сказанное распространяется на всякое страдание, переносимое нами с терпением, чистосердечно, ради Него, помня, как Он пострадал за нас. Скорби, как бы тяжело нам ни было их нести, таят в себе великие небесные сокровища, и христианину следовало бы извлекать из них гораздо больше духовной пользы.

«За Меня», – сказал Спаситель. Ученик Христов должен быть очень внимателен к этому. Бывает и так, что его поносят из-за его собственных недостатков, которые именно в его положении и деятельности как ученика Христова тем сильнее бросаются

² Выражение «великая награда» подразумевает, что есть награда и менее великая, то есть указывает на разные степени небесного блаженства – на различную для каждого меру полноты жизни в Боге, какую будет способна вместить душа. Согласно католическому учению, степени небесной славы неодинаковы, хотя каждый спасённый всецело блажен в своём общении с Богом (ср. Ин. 14:2). Лаук здесь опирается на Тридентский собор, по которому вечная жизнь есть дар благодати во Христе и одновременно награда. Добрые дела оправданного человека имеют «заслугу» в отношении увеличения небесной славы, но только потому, что они совершаются по благодати Христовой, которая им предшествует и сопутствует; поэтому Тридентский собор специально предостерегает человека от упования на себя. Католическое богословие утверждает, что Бог по Своей благодати желает, чтобы Его дары становились заслугами человека, – то есть Он Сам даёт человеку благодатное побуждение к добру, помогает ему исполнить это побуждение, а доброе дело, совершённое человеком при содействии благодати, соделывает и его собственной заслугой. Под «иноверными» здесь имеются в виду протестанты, отвергающие учение о заслугах перед Богом. Ни из Писания, ни из католического (и вообще традиционно-церковного) взгляда не вытекает распространённое заблуждение, что мы «зарабатываем» у Бога своими делами блаженную вечную участь, как бы вступая с Ним в «торговые отношения».

в глаза и производят тем более дурное впечатление. В таких случаях ему следует обратить на себя покаянный взор и не вменять себе эти поношения в заслугу.

Указание на «пророков, бывших прежде них» обращает внимание учеников Христовых на то, что и они – пророки, и несут пророческое служение, то есть возвещение воли и правды Божией. **(13)** Они – «соль земли». Пищу солят не только для того, чтобы придать ей вкус, но и чтобы сберечь её, сохранив от порчи. Иудейская пословица времён Иисуса гласит: «Соль денег – благотворительность». В раввинском объяснении её смысл таков: кто хочет прочно утвердить своё имущество, пусть щедро подаёт милостыню. Так и задача учеников – давать людям этого преходящего мира вечные ценности. Но это может только тот, кто сам имеет их в себе, кто весь исполнен мыслями о вечности и стремлением к ней. Тот, кто это потерял, уже ни на что не годен, пусть даже он остаётся сколь угодно опытным оратором или организатором. Поэтому забота о собственной внутренней жизни – самая важная задача ученика Иисуса. Только имея её, он может стать **(14)** «светом мира». Свет зажигают для того, чтобы он освещал темноту и люди могли найти дорогу. Так и христиане должны являть людям, пребывающим во тьме мира сего, путь к вечности и к Богу. Уже само служение их как учеников Христовых предполагает, что люди особенно внимательно смотрят на них. **(15)** «Не может укрыться город, стоящий наверху горы». Тем настоятельнее их обязанность заботиться о том, чтобы их свет не угасал.

Свечами древние жители Востока пользовались редко. Вместо них у них были масляные светильники: плоские круглые чаши, чаще всего из глины, с носиком для фитиля и обычно с ручкой, чтобы их можно было переносить. В больших помещениях такие светильники ставили на подсвечник – иногда до полутора метров высотой, нередко металлический. Так они могли «светить всем в доме», поскольку восточный дом состоял из одного помещения. Светильник не должен был гаснуть никогда: спичек тогда не было. Если о современном феллахе или бедуине говорят: «Он спит в темноте», это значит, что у него не осталось ни гроша, чтобы купить масла (И. Бенцингер, «Еврейская археология»). Днём такой светильник нередко накрывали сосудом. В Талмуде прямо объясняется, что это можно делать и в субботу, не навлекая на себя вины нарушения субботы недозволенной работой. **(16)** Так и ученик Христов должен заботиться о том, чтобы его свет светил всегда. При этом ему надлежит свидетельствовать об истине и нравственной высоте христианства не только словами, но главным образом добрыми делами. Этот призыв не противоречит 6-й главе, 1-му стиху (не хвалиться перед людьми своими делами). Ученики Иисуса должны совершать добрые дела не из себялюбивого желания снискать за них славу.

Более того, им вообще не следует выставлять их напоказ. Добрый пример, которым человек специально хочет кого-то вразумить, скорее отталкивает, чем привлекает, – тем более что в таких случаях едва ли удаётся остаться свободным от самопревозношения. Нет, все благие дела, речь и всё поведение христиан – без особого раздумья в каждом отдельном случае, следует ли сделать добро, – должны быть органичным движением сердца, исполненного мыслями о вечности и стремлением к ней. Так свет сам собой посылает свои лучи во все стороны. Тогда и другие люди увидят это и поймут, что Бог – Отец учеников Иисуса; и, стало быть, что они состоят в совершенно особых, тесных взаимоотношениях с Богом, в которых и заключается причина исходящей от них нравственной силы и добра. Тогда люди прославят такого Отца и сами пожелают тоже стать Его детьми.

Какого же Отца? **(16)** «Отца вашего Небесного». Говоря об Отце учеников, Христос имеет в виду нечто большее, чем привычное для иудеев представление о Боге как Отце всего народа Израиля. Если бы слова Иисуса заключали в себе только этот смысл, именование «Отец ваш Небесный» не несло бы для Его слушателей ничего нового. Новизна состоит в личном сыновнем отношении христиан к Богу, в их тесной и непосредственной близости с Ним, которыми они обязаны своей принадлежности Иисусу, Сыну Божию.

Здесь нужно отметить, что Спаситель ни в данном месте, ни где-либо ещё никогда не употребляет обобщённое выражение «Отец наш», даже там, где это было бы вполне естественно (ср. Ин. 20:17), – как если бы Его сыновство Богу и сыновство других людей были одного порядка. Его отношение к Богу Отцу всё же совсем иное, чем отношение учеников, хотя последнее подобно первому и имеет в нём своё основание. Это становится очевидным из всего учения Иисуса и Его богодухновенных апостолов. Он Сын Божий по природе, а ученики Христовы – через дарованную Им освящающую благодать. Через неё Он вливает в них Свою собственную жизнь – об этом говорит притча о виноградной лозе (Ин. 15:1–8), – и так христиане становятся *причастниками Божеского естества* (2 Пет. 1:4).